

Воронков В.М.: "Я осознал себя социологом в возрасте 43 лет"

В моей коллекции биографических повествований короткий рассказ Виктора Воронкова — второй, выполненный в жанре интервью-эссе. Лишь человеку, не задумывающемуся о сложности описания собственного прожитого, подобный формат может показаться заманчиво-легким. В действительности, это совсем не так, здесь простота — обманчива. Существование жесткой внутренней структуры, строгого ритма, стиливого единства "легкого" текста, его информативность — результат журналистского опыта, приобретенного автором воспоминаний в молодости. В той же мере все это следствие того, что изложение своего долгого пути в социологию является для Виктора своего рода "проекцией на себя" тех методологических принципов, которые он многие годы успешно реализует в своей профессиональной

деятельности.

Виктор отмечает, что осознал себя социологом лишь в возрасте 43 лет, подразумевая, что поздно. Безусловно, не рано, но и не критично. В силу отсутствия в СССР социологического образования, ряд представителей разных поколений, но не первого, становились социологами много позже 30-ти, иногда и за 40. Особенность развития Воронкова как социолога — иная: согласно его возрасту, он — из третьего поколения российских социологов, но его путь в науку сродни движению в нее представителей четвертой профессиональной когорты — "спасенных перестройкой".

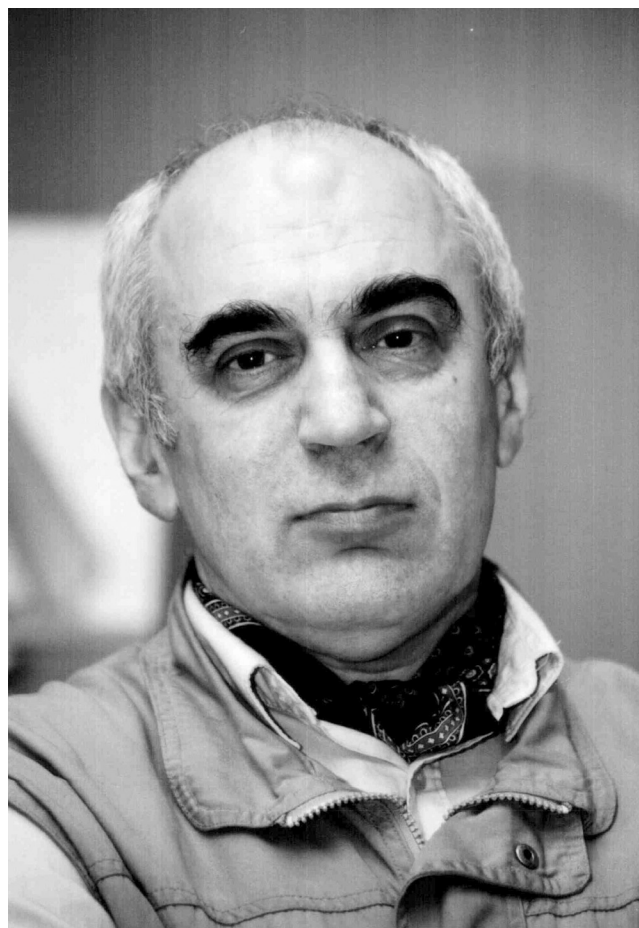
Борис Докторов
профессор, доктор философских наук

Если честно говорить, то никакой я не советский социолог. Таким я себя осознал только в возрасте 43 лет, когда советская власть была на последнем издыхании. И в новый институт социологии, созданный Б.М. Фирсовым, я пошел не без некоторых колебаний. Если исходить из концепции push и pull факторов, то скорее меня вытолкнула из Института социально-экономических проблем АН СССР (ИСЭП) чудовищная среда с обилием идеологических монстров, своим присутствием осквернявших даже мысли о науке. А привлекательность социологов была умеренной. У меня не было там друзей, никакими социологическими достижениями я себя не запятнал, социологического образования я не получал (впрочем, его никто тогда не получал), в профессиональной среде социологов был чужим, соответствующей идентичности у меня не было. А маргиналом не очень-то и хотелось становиться.

Думаю, что до конца 80-х годов моя история представляет для науки о-очень ограниченный интерес. Впрочем, к социологии я пришел вполне "закономерно". Это я сейчас понимаю, что каждый человек социолог. Только не каждый, слава богу, делает из этого профессию. Если бы не советский режим, то я стал бы социологом раньше. Мне кажется, что к этому меня привели следующие причины:

- невозможность представить свою деятельность вне науки (результат детской и юношеской социализации),
- интерес к людям,
- любовь к статистике с детских лет (как ни парадоксально это звучит при моем тотальном неприятии количественных методов в исследованиях уже лет 20),
- явная шизоидность, аргументом чему служит то, что я страстный коллекционер и любитель всяческих классификаций и упорядочиваний,
- желание переделать мир, который мне не очень нравился.

Но поскольку ты предпочитаешь, чтобы твои информанты начинали изложение своей интеллектуальной биографии с детства, то я перехожу к хронологии. Вырос я в семье "настоящего" ученого (не какого-нибудь социолога!) и успешной журналистки. Отец стал выдающимся химиком, академиком (активно работает до сих пор на подступах к 90-летию). Число его бесконечно цитируемых публикаций приближается к четырем тысячам, чему я до сих пор безмерно дивлюсь со своей жалкой сотней текстов, из коих значение имеют разве что шгук 20. Ну,

30. Два следствия выбора такого родителя:

- идентичность ученого проявляется уже в подростковом возрасте и только усиливается по мере взросления,
- доминирует ощущение уверенности в жизни и гражданского бесстрашия; это, видимо, от неосознанного ощущения серьезной поддержки, "если что" (наблюдаю нечто подобное у Дани Александрова¹ при всей несхожести наших характеров); если бы не это, то меня бы докончили мои комплексы, с которы-

¹ Социолог и историк науки Даниил Александрович Александров — сын академика Александра Даниловича Александрова.

ми я до сих пор с трудом справляюсь.

Учился в школе я без проблем, но являлся, видимо, проблемой для педагогов. Поэтому меня из двух школ выгоняли. Что-то не вспомню учителей, которые оказали бы на меня благотворное влияние, подвигли на что-нибудь или к которым я испытывал бы особую благодарность. Хотя в старших классах был общественно активен, но активность была явно альтернативной. В 15 лет перебрался с родителями из Ленинграда в Ригу, где поступил в университет по окончании школы. Хотя я явно был гуманитарием, но наукой, естественно, считал физику, на коей и проучился год, умирая от тоски. Потом не поступил на химию, отделался от иллюзий, поработал год на заводе и нашел компромиссный вариант — экономическая кибернетика. Впрочем, увлечение учебой быстро прошло. Я больше увлекался потреблением культуры, писанием стихов, спортом. В последнем достиг немалых успехов, побывав даже чемпионом Латвии (бегал на средние дистанции).

Если перечислять моих биографических ассистентов, то следующим после родителей стал близкий человек Борис Иванович Карпенко, известный матстатистик, просидевший чуть не 20 лет в сталинских лагерях. В его замечательной библиотеке я обожал рыться с ранних лет. А когда он вернулся из лагерей, то беседы с ним серьезно повлияли на мои пристрастия к статистике и, особенно, к демографии. Экономическое образование я получил при уже сложившемся убеждении, что стану демографом. И, действительно, еще до окончания университета меня пригласили в лаборанты только созданной лаборатории демографии при латвийском статуправлении. Там я даже успел поучаствовать в опросе женщин, "лежащих в стационаре по поводу аборта" (почти "социология"), а в сборнике по итогам исследований среди авторов стояла моя фамилия. С чего я и начал отчеты собственных научных публикаций. Впрочем, и до этого я много чего публиковал в газетах-журналах, в том числе научно-популярного.

Шел 1969 год. Ввод советских войск в Чехословакию в августе 68-го стал для меня самым знаковым событием в жизни, самым сильным потрясением (я был целый месяц в Чехословакии и выехал оттуда за день до ввода войск). Но это отдельная очень важная для меня история, определившая мою гражданскую позицию на всю оставшуюся жизнь.

В конце 1970 года я оказался в Иркутске (поехал опять же вслед за отцом). Начал работать в Институте географии Академии наук в рамках своих интересов, на этот раз в области географии населения. Как и в демографии здесь можно было вволю побаловаться со статистикой и поиграть с незамысловатыми математическими моделями. На фоне активной внеаудиторной жизни (я был президентом Клуба молодых ученых Академгородка) и нравов советской академии шло быстрое охлаждение интереса к научной карьере и даже к науке в том формате, который я наблюдал. Могу много рассказывать об этом, но ограничусь только итогом. В те же времена я, сдав кандидатские экзамены, намеревался поступить в аспирантуру к Борису Урланису, который был тогда безусловно лучшим советским демографом. Борис Цезаревич при встрече в Москве очень благосклонно ко мне отнесся. Однако мой энтузиазм постепенно иссяк.

Так случилось, что короткое время я вел семинары по политэкономии в иркутском университете. Серьезно к этому не относился. Шел на ночь впереди студентов, штудировав толстенный учебник Цаголова (студенты ограничивались учебником "для домохозяек"). На семинарах у филологов и журналистов больше обсуждал неведомую простому советскому студенту литературу, самиздат, возбуждал дискуссии о культуре. Были доносы. Однажды пришла комиссия послушать мой семинар. Так завершилась моя преподавательская карьера. С тех пор у меня возникла идиосинкразия на формальное преподавание.

В Иркутске я дружил со своим вторым биографическим ассистентом, литературным критиком Евгением Раппопортом,

который окончательно сформировал мои литературные вкусы, ввел в иркутскую литературную тусовку. Там, кстати, было немало достойных людей: Вампилов, Распутин еще дорусопятского разлива, мой близкий друг Анатолий Кобенков, поэт божьей милостью. Должен признаться, что культура в сфере моих интересов постепенно оставила науку далеко позади (та наука, которой мне предложили заниматься в академических институтах, была скучна и неприлична). И эту "несправедливость" устроили впоследствии только события конца 1980-х годов.

В 1975 году я вернулся в Ленинград, который когда-то любил "до слёз". Здесь появился мой третий биографический ассистент Михаил Борщевский, который многие годы был для меня наиболее близким среди друзей. Благодаря ему, я тут же вписался в тесную дружескую компанию, где он был безусловным лидером и где каждый в той или иной степени считался социологом. Люди всё были примечательные, многие из них стали позже по-разному известными. Для исследователей профессиональных сетей надо бы их перечислить: Валера Глухов, Валера Петров, Наташа Петрова, Сережа Розет, Алик Сарно, Галя Старовойтова, Саша Тихонов, Игорь Травин, Юра Щеголев, Гриша Забелшанский, кого-то точно забыл упомянуть.

Борщевский был человеком исключительно ярким, умным и бесконечно обаятельным. Возглавляя одно время сектор в ИСЭП'е, где я стал работать с января 1976 года, он умело имитировал бешеную деятельность, запросто писал бессмысленные тексты, которые назывались годовыми научными отчетами, без особых проблем втягивая руководство наукообразные результаты непроведенных исследований. В то же время на популярных тогда в инакомыслящей среде семинарах и неформальных дискуссиях он блистал своими креативными идеями и запоминающимися выступлениями. В другие времена Миша безусловно стал бы заметной звездой на социологическом небосклоне. Но других времен для него — как ученого! — не случилось.

Надо сказать, что в ИСЭП'е никто почти ничего толком не делал. Народ тусовался по интересам, курил в коридорах, трепался и рассказывал анекдоты, устраивал дружеские попойки. По моим наблюдениям, "работали" только те немногие, кто строил сознательную карьеру или писал диссертацию, а также несколько чудаков не от мира сего. У большинства рабочими были лишь пара ноябрьских недель в году, когда все лихорадочно писали годовые отчеты о своих "научных заслугах", нервно поглядывая в потолок. В этих отчетах важно было соблюсти формальные требования, отпечатать всё без грамматических ошибок и помарок, а содержательную часть вряд ли кто серьезно читал.

Надо сказать, что основной своей задачей, как мне кажется, администрация института считала обслуживание обкомовских идеологов. Обком спускал временами задание оправдать очередную инициативу чиновничества (будь то желание отправить всех выпускников школ в ПТУ или задумка перевести всех на трехсменный график работы). ИСЭП брал под козырек и имевшие немалый практический опыт в опросах социологи быстренько формулировали соответствующие вопросы в анкете. А уж если первый секретарь обкома Романов в очередном докладе ссылался на полученную цифру ("тут нам социологи подсчитали"), то гордость переполняла участников опроса, которые ко всему получали и какую-то дополнительную премию.

Впрочем, наука в некотором смысле существовала и в стенах института. Она ютилась в тихих коридорных разговорах и вообще носила устную форму. Полагаю, что немалое число замечательных идей ярко вспыхнуло в этих неформальных беседах и тут же бесследно затухло. В этом устном мире почти не осталось следов от таких ярких мыслителей, например, как Олег Вите или Эдуард Фомин. Я помню, как письменный текст Эдика, представленный для публикации, был почти на каждой странице перечеркнут жирным крестом возглавлявшим тогда наш сектор директором института Ивглафом Ивановичем Си-

говым. А Олег Вите, числившийся в секторе Гортензии Михайловны Романенковой лаборантом и ведший временами дискуссии в коридоре с кем-то из ведущих исэповских ученых, получал выговор от внезапно появившейся начальницы, которая кричала, что в его обязанности входит общение с пишущей машинкой, а не, например, с Валерием Голофастом.

Руководили институтом недалекие люди, ушибленные идеологией, но при этом довольно мирные и желавшие только, как мне кажется, чтобы всё выглядело не хуже, чем у других. Много лет директорствовавший Ивглаф (имя произошло от имен родителей — Иван и Глафира) Сигов, когда-то в армии, как говорят, заведовавший солдатским клубом, был далек от науки, не сильно умен, часто нес ахинею и служил объектом насмешек институтских острословов. Но при этом я его знал как человека незлобивого и даже в каком-то смысле приличного в рамках собственной, конечно, ограниченности. А экономическим отделом, где числился я, заведовал профессор Виктор Андреевич Воротилов, опытный начетчик сталинского разлива. Даже в те времена и на фоне целого ряда других монстров он выглядел уже как-то неприлично.

Марат Николаевич Межевич ко времени перестройки возглавил наш сектор, который можно было бы считать социологическим (его название без конца менялось вокруг темы городских исследований), хотя он формально и не относился к социологическому отделу. Но часть сотрудников явно демонстрировала соответствующую идентичность. Межевич был человеком уважаемым, талантливым, искренним марксистом, хорошо знавшим первоисточники, однако несколько зашоренным в своем стремлении всё объяснить через Маркса, удерживаясь в рамках официальной идеологии. Характерные для советского учебного компромиссы полностью отразились в личности Межевича. Но и здесь он выделялся нетривиальностью мышления. Во введении к его докторской диссертации, написанной в мрачные времена андроповщины, первой ссылкой на обязательный партийный авторитет была цитата не из Андропова или Брежнева, как полагалось бы, а из второстепенного и никакого Черненко. В каком восторге я пребывал, когда перед самой маратовой защитой к власти неожиданно пришел именно Черненко! Но, честно говоря, был Марат не столько социологом, сколько социальным философом.

Зато выдающимся социологом ощущал себя Альберт Васильевич Баранов, который был натурой художественной, нравился женщинам, не чужд был мании величия и числил себя, между прочими заслугами, отцом советской социальной психологии. Его креативность была через край, идеи были одна фантастичнее другой. Особой аргументацией Альберт себя не утруждал, — главное, чтобы было красиво. Как вспоминала Галля Старовойтова, Баранов пришел в науку с изобретенной им математической формулой всей мировой истории.

Про "настоящих" социологов из ядовского отдела я судить не могу, поскольку не участвовал в их кухне. И только временами доходили слухи о каких-то конфликтах и скандалах в их среде или с администрацией института. Мои контакты с социологами участились в связи с моим кагэбэшным делом, когда меня судили за распространение антисоветской литературы. Поскольку Андропов указал перекалфицировать дела такого рода из политических на другие уголовные, то мне пришили "валютную" статью; разумеется, я не имел к ней никакого отношения, но мой адвокат, опытейший специалист по защите диссидентов Семен Хейфец, посоветовал мне согласиться с продажей золотой монеты. Якобы в связи с моим делом провели обыск у Андрея Алексева, с которым я до того был едва знаком.

Что еще было характерно для ИСЭП'а, так это высокий процент стукачей. Кагэбэшный куратор чуть ли не открыто вербовал сотрудников. А в период расследования моего дела и последовавшей вскоре чистки социологического отдела сотрудников постоянно вызывали в органы. Поскольку же в специаль-

ном журнале надо было фиксировать все причины отсутствия на рабочем месте, то сотрудники затруднялись с записью. Один Олег Божков презрел кагэбэшные предостережения и нагло писал "ушел по вызову КГБ".

Такой был институт. Думаю, что типичный для обществоведческих того времени. Во время перестройки только забрехала надежда на изменения. Увы. Активное участие социологов в общественных движениях (пионером борьбы долгое время был Леонид Кесельман), их активная борьба за изменения в институте не были поддержаны другими отделами. Характерным примером здесь могут служить выборы нового директора ИСЭП'а. Претендентов было трое — Анатолий Чубайс, Марат Межевич и Анатолий Когут из экономистов, человек крайне скучный, бесцветный, вообще никакой. Мы с Алексеем Кудриным и Ириной Карелиной составили группу поддержки Чубайса. Но победил закономерно Когут, а Чубайс получил совсем мало голосов. Вскоре Борис Фирсов увел социологов в новый социологический институт. И для меня уже вопрос выбора не стоял. С 1989 года начался новый этап моей профессиональной жизни.

Кстати, в 80-е годы я фиксирую еще одного (четвертого, по моим представлениям) своего биографического ассистента — Олега Вите, который оказал большое влияние на мое научное мировоззрение. Олег был выдающимся (не побоюсь этого слова!) марксистским теоретиком, великолепным дискусантом, тексты которого выделялись своей выверенностью и совершенной логикой (практически все они остались, увы, манускриптами). Жаль, что Олег впоследствии отошел от академической деятельности, став видным экспертом-аналитиком.

Теперь собственно о социологической карьере. В 1988 году возникло две группы социальных исследователей, которые занялись изучением общественных движений. Одна из них, костяк которой составили Ольга Ансберг, Ирина Левинская и Валентина Узунова, наблюдала и анализировала акции и публикации русских националистов. Другая — под руководством Владимира Костюшева — состояла из "маргинальных" социологов (в сравнении со вполне этаблированными в советской социологии), которым перестройка дала блестящий шанс реализовать себя в новых условиях. Вскоре эта группа в новом институте социологии конституировалась как сектор исследований общественных движений. Почти все ее участники сделали впоследствии блестящие профессиональные карьеры (Андрей Алексеев, Владимир Гельман, Александр Дука, Елена Здравомыслова, Анна Темкина, Ольга Цепилова, Александр Эткинд). Я активно участвовал в обеих командах. Кроме всего, я стал исследовать диссидентскую среду, проводя биографические интервью с бывшими диссидентами, для чего колесил по городам и весям.

В это же время я реализовал еще одну идею. Теоретические знания и некоторый опыт проведения опросов подвигли меня на мысль создать независимый "временный творческий коллектив" для зарабатывания денег на становящемся рынке заказных исследований. Я подключил к этому делу Эдика Фомина и целый ряд студентов, которые как-то волонтерили вокруг нашей группы исследователей общественных движений. Что мы только не исследовали: пути расширения читательской аудитории ленинградских газет и оценку пассажиропотока на предполагаемой скоростной железнодорожной трассе Ленинград-Москва, перевод на хозрасчет Союза художников или студии научно-популярных фильмов и перестройку деятельности геологического института и т.п. Тупо применять известные методики опросов не очень-то хотелось. Придумывали новые. Жаждалось творчества. Поэтому я стал размышлять над тем, как можно углубить понимание тех общественных процессов, которые стремительно разворачивались на глазах.

Примерно в 90-м году на очередном семинаре сектора исследований общественных движений Володя Костюшев, выслушав мое сообщение о собранных биографиях диссидентов,

выразил свое удовлетворение тем, что сказал: — Теперь уже пора измерять! — После чего я, наконец, изложил мучавшие меня сомнения по поводу измеримости многих социальных явлений, по поводу привычно используемых нами методов исследования и т.д. Наблюдения в течение пары лет акций различных групп в перестроечных движениях, сбор биографических интервью и, наконец, участвующее наблюдение в радикальной части спектра демократического движения привели меня к пониманию роли качественных исследований, если говорить, разумеется, о понимающей (а не о "объясняющей") социологии. Помимо собственного исследовательского опыта, на эти размышления меня натолкнуло чтение обнаруженных у Андрея Алексеева в архиве брошюрок (отпечатанных тиражом чуть ли не в 50 экземпляров) с записями интервью, сделанных Сергеем Белановским. И только после этого я взялся за чтение Вебера и другой социологической классики, результатом чего стало то, что открыл в себе феноменолога, конструктивиста и ненавистника позитивизма.

"Три источника, три составные части" моего мировоззрения это собственный полевой опыт, прочтение "Социального конструирования реальности" Питера Л. Бергера и Томаса Лукмана (объявленного мной в то время библией социолога), превратившего в руины уже до того поколебленные устои прежних позитивистских взглядов на мир и методологические размышления гениального полевого исследователя венского антрополога Роланда Гиртлера, которые он изложил в своих замечательных книгах. А аргументация Патрика Шампана, Пьера Бурдьё и ряда других исследователей по поводу того, что "общественного мнения не существует", навсегда разорвала мои отношения с миром количественных исследований. Я стал типичным микросоциологом — некоторые сказали бы, антропологом, — и этим вызван ряд моих текстов, критикующих количественников.

В начале 90-х мне попала в руки выпшедшая за десятилетие до того с грифом "для научных библиотек" книга четырех английских социологов про новые направления в социологической теории (удивительным образом их шельмовал Сергей Белановский, который сам пропагандировал качественные методы, оставаясь при этом, правда, позитивистом). Одновременно я познакомился с работами Леонида Ионина конца 70-х(!), который писал о феноменологической перспективе в социологии (конечно, в жанре критики), о понимающей социологии (по этой теме он защищался). Изложенные там идеи меня захватили. Я только поражался, как равнодушно прошла мимо них советская социология и сам Ионин в том числе.

В виде краткого отступления, ответу на твой вопрос о том, не смягчил ли я свою позицию по поводу количественных исследований. Поскольку меня сама жизнь привела к моим теперешним научным представлениям, то я не верю, что в одну повозку можно впрячь коня и трепетную лань. Пропать между позитивистами-количественниками и конструктивистами бездонна. Это разные науки в рамках социологии в широком смысле, захватывающей все социальные науки. Моя наука изучает правила, по которым люди действуют. И я не вижу способа понимать неисчислимо разнообразие этих правил во множестве социальных мильё, нежели как тесное общение с людьми через участвующее наблюдение и — в вынужденных случаях — через интервью. Так что теперь, открывая ту или иную статью, я ее почти сразу игнорирую, если вижу таблицы, формулы и цифирь массовых опросов. Эта схоластическая социология для меня бесполезна и не интересна.

Я пытаюсь, как полагается, держаться хронологии, чтобы тебе легче стало бы потом анализировать мой путь социализации. И здесь перехожу к созданию независимого института,

который — так уж получилось — стал "главным делом моей жизни", а на самом деле попросту на много лет вперед занял всё время, которое я раньше делил между семьей, друзьями, культурой, коллекционированием, путешествиями и пр.

А дело было так. Шел 1990 год. Сидели мы с Олегом Вите на кухне у Лены Здравомысловой и обуреваемые перестроечной жаждой деятельности (а чего мы только не инициировали или не задумывали в это увлекательное время!) сочиняли название проектируемого института. Тогда много чего учреждалось негосударственного. Я же всю свою академическую жизнь мечтал ни от кого не зависеть, заниматься только тем, чем хочется, и только с приятными людьми. И, надо сказать, я свою мечту реализовал. Институт независимых исследований был учрежден. После отъезда Олега в Москву мы его перерегистрировали уже с Эдиком Фоминым. Позже он получил свое окончательное название Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ).

Сначала мы плохо понимали, чем и как будем заниматься. Понятно, что хотелось зарабатывать деньги. И потому худо-бедно продолжали рыночную деятельность, отрывая время от исследований социальных движений. Радикально изменил нашу жизнь первый выезд на Запад весной 1991 года, когда мы вшестером (вместе с Олегом Вите, Александром Дукой, Еленой Здравомысловой, Анной Темкиной и Ольгой Цепиловой) делали доклады в Гамбурге и Берлине. Там завязались первые "судьбоносные" знакомства в профессиональном сообществе.

В 1994 году я разорвал, наконец, пуповину, связывавшую меня с Академией (а позже даже удивлялся, чего это я так цеплялся за прошлое?!). Возглавляемая формально мной в институте социологии группа "политической социологии" (я, Олег Вите и Александр Дука) распалась, а Фирсов поставил передо мной вопрос ребром: или институт социологии или ЦНСИ (сам он вскоре стоял перед схожей дилеммой и выбрал Европейский университет).

То, что ЦНСИ сразу вышел на международную арену, надо сказать спасибо биографическому ассистенту центра замечательному немецкому социологу Ингрид Освальд, сыгравшей в нашей судьбе выдающуюся роль. Именно благодаря ее усилиям, мы через год получили сразу три первых исследовательских гранта от фонда Berghof и приобрели под офис трехкомнатную квартиру, перенесли таким образом семинарские занятия со студентами из кухни нашей с Леной Здравомысловой квартиры во вполне респектабельную обстановку. Потом началась череда фондов, грантов, поездок, конференций, публикаций. Число сотрудников перевалило на четвертый десяток. Сработало интуитивное правило "ни одного дня в советской социологии" при приеме сотрудников. ЦНСИ уже давно стал вполне международным институтом с многосторонней деятельностью, достаточной известностью и многочисленными заслугами, отмеченными в сообществе. Так в прошлом году мы получили награду Фонда К. и Дж. Макартуров как самый креативный и успешный независимый исследовательский центр в мире (среди тех, кого Фонд поддерживал).

Мне трудно отделить повествование обо мне от повествования об ЦНСИ. Потому буду краток. Мы приложили много сил, чтобы реабилитировать качественные методы исследования, к которым в российской социологии относились иронически. И полагаю, что наша борьба за понимающую социологию была вполне успешной. Как писала Наталья Космарская² в своей книге, ЦНСИ является бастионом конструктивизма в России. Я сам довольно много писал о методологических проблемах социологического исследования, стирая границу между социологией и антропологией, но наиболее продвинутые тексты мне удалось в сфере исследований этничности и особен-

² Космарская Н. П. "Дети империи" в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992-2002). М.: Наталис, 2006.

ностей функционирования публичной сферы. Впрочем, в России (в отличие от сообщества зарубежных коллег) я больше известен как борец с "количественниками". Мне удалось как-то инициировать дискуссию на эту тему, опубликовав статью в "НЗ", а другую в "Телескопе".

Вообще, надо подчеркнуть, что я сторонник широкой специализации. Интересуясь самыми разными сторонами социальной жизни, я инициировал и провел немало исследований в никак не связанных между собой областях. Однако, если как-то позиционироваться, то я бы идентифицировал себя как исследователя этничности, национализма, миграций и методолога качественных полевых исследований. Что касается связи мо-

ей гражданской позиции с профессиональной, то я изложил это пару лет назад в том же "НЗ"³.

Нужно максимально рефлексировать свою неизбежную ангажированность в нашей профессии. И, конечно, приятно было бы заниматься "чистой наукой". Однако в условиях, когда мои права на свободу исследования ограничены (как и прочие свободы в России), я не вижу иного выхода, нежели заниматься публичной социологией, став экспертом для гражданского общества (а не обслуживая власть), спустившись в окопы гражданского общества, чтобы вместе с другими бороться с господствующим режимом.

---

³ Воронков В. О политизации общественных наук // Неприкосновенный запас, 2009, 1. С.33-44.